

Литературоведение и языкознание

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Абашева Диана Владимировна,

доктор филологических наук, профессор,

*ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»,
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119435 г. Москва, Российская Федерация*

E-mail: abasheva.diana@yandex.ru

«Я ЗДЕСЬ БЕСЕДУЮ С МИНУВШИМИ ВЕКАМИ...»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЛИРИКЕ Н. М. ЯЗЫКОВА

Аннотация: Мотив исторической памяти появился в творческом наследии Н. М. Языкова в связи с возникновением и развитием интереса к истории, народу, фольклору. Своеобразие его восприятия исторической памяти заключается в понимании того, что «дух старины глубокой» необходим для современного человека. Н. Языков в своих произведениях на историческую тему стремился изобразить точно национальный быт, культуру, костюмы, обстоятельства жизни того или иного народа и, самое главное, тип сознания и исторических деятелей, и вымышленных героев в их соотнесённости. Русская история позволяла Языкову поставить животрепещущие вопросы своего времени: свобода и тирания, а также призвать современников к освобождению от духовного рабства. «Свободолюбивый дух» славянства, русского народа раскрыл поэт в стихотворениях 20-х гг. XIX в., привлекая традиционную поэтику фольклора и древней литературы.

Ключевые слова: творческая индивидуальность, историческая память, традиция, славянство, национальное своеобразие, патриотизм, поэтика.

Стремление к постижению прошлого («беседуя с минувшими веками») и желание раскрыть настоящее для будущих «собеседников минувшего» характерно для творческих устремлений Н. М. Языкова. История и литература, творчество — вот главные составляющие его духовного мира, и в этом он видит предназначение своей судьбы, считает себя «собеседником будущих собеседников минувшего». Темы и образы древних эпох, мотив не просто памяти, а памяти исторической появились в творческом мире поэта в связи с возникновением и развитием интереса к истории, народу, фольклору.

Предания, вера, нравы, архитектура, старина русская — это пища и для живописца, и для стихотворца. Формирование интереса к культуре Древней Руси происходит внутри этой проблематики и неразрывно связано с мотивами исторической

© Абашева Д. В., 2014

памяти в лирике. Н. Языков в ответ на упрёк брата А. М. Языкова в том, что он очень много внимания уделяет старине, пишет: «...вовсе не раскаиваюсь в моих чувствованиях к старине Русской, я ее люблю и не согласен с тобою в том, что она весьма бедна для поэта; где же искать вдохновения, как не в тех веках, когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером? Притом же воспевать старинные подвиги Русских — не значит перелагать в стихи древнюю нашу историю; историческое основание не мешает поэту творить, а, напротив, придает еще некоторую особенную прелесть его вымыслам, усиливает его идеи: вот как я думаю — может быть ошибаюсь, твоя власть опровергать» [3, с. 29]. Своеобразие его восприятия исторической памяти в понимании того, что «Дух старины глубокой» необходим для современного человека. В стихотворении «Послание к А. Н. Очкину» (1822) проскальзывает восхищение умением жить по законам древней мудрости:

*И жизнь твоя, как ход торжественный природы,
Покорна мудрости законам вековым* [2, с. 65].

Вековые законы мудрости уже в ранней лирике оценивались Н. Языковым очень высоко. Его убеждение, что «историческое основание не мешает поэту творить», будет только развиваться от знакомства с историей, философией, эстетикой. «В тех веках» русской истории он ценит именно такие моменты, где герои сражаются за свободу. Эта переключка со многими поэтами времени — К. Ф. Рылеевым, В. К. Кюхельбекером и др. Показателен и акцент на «собственный» характер: национальное своеобразие русского человека, его свободолюбивый характер ценит Н. Языков даже и в то время, когда его «Муза еще так молода, что часто завирается» [3, с. 28]. Национальное своеобразие каждого народа проявляется в исторической памяти наиболее конкретно. Это особое отношение к русской старине и национальному характеру будет важным для его творчества на протяжении всей жизни. Так же внимателен он и к истории других народов, поэтому произведения В. Скотта так понравились Языкову. Н. Языков осознаёт разнообразие своих интересов, понимая, что рыцарями он интересуется только «теперь». Ливонская тема в творчестве Языкова не случайность. Уже Н. Трубецкой сделал обобщение, что в первой половине XIX в. «исподволь намечается в литературе интерес к местной этнографии русской и инородческой, который к концу первой четверти XIX в. становится уже преобладающим и разнообразным в отношении к местностям — пестрят темы с действием на Кавказе, в Крыму, Бессарабии, Малороссии, гораздо позже возьмет верх интерес к русской деревне вообще» [1, с. 593]. Н. Языков так же, увлекаясь Ливонской темой, отдал дань этому интересу. Читает он Денона и Моне «Северную мифологию», отмечая: «...мне он (Моне. — Д. А.) чрезвычайно нравится; любопытно, какова у него будет славянская?» [3, с. 193]. Мифология разных народов тоже среди интересов Н. Языкова. Глубоко изучив историю разных народов, Н. Языков пришёл к заключению, о котором сообщает брату: «Забиться об русской истории, тут виблиотика необходима <...> собрание книг по сей части будет нам дороже стоить, нежели иностранные книги. Так и должно быть: отечество дороже нам чужих краев; истинный космополит есть существо метафизическое...»

[3, с. 309]. Постепенно Н. Языков от увлечения космополитизмом переходит к осознанию своей русскости, хотя ещё поэт и посылает брату приветствие: «Всему человечеству заздравный стакан...» [3, с. 311].

Историзм мышления Н. Языкова проявился в том, что он, описывая прошлое в своих произведениях, воссоздал конкретно данное время в его индивидуальном облике. Он стремился в своих произведениях на историческую тему верно изобразить национальный быт, культуру, костюмы, обстоятельства жизни того или иного народа и, самое главное, тип сознания и исторических деятелей, и вымышленных героев в их соотнесённости. Он не относился к разрушителям традиций, напротив, поэт ценит и сохраняет то, что несут в себе традиции древнерусской культуры и культуры XVIII в., но и сознательно творит новое, стремится быть не похожим ни на кого из предшественников и современников, быть оригинальным. Для Николая Языкова история, как и мифология, была источником творческих планов и задумок. Он уже в 1823 г. обращается к образам Барда, Баяна, создаёт студенческие песни. Прошлое Родины стало основной темой поэзии Н. Языкова:

*Я здесь беседую с минувшими веками;
Героев призраки из мрака старины
Встают передо мной шумящими рядами,
И я приветствую родных богатырей,
И слышу силу их ударов;
Пред взорами — холмы разорванных цепей
И море бурное пожаров!
Какой роскошный пир восторгам и мечтам!
Как быстро грудь моя трепещет,
В очах огонь поэта блещет,
И рвётся длань моя к струнам!* [2, с. 78]

(«В. М. Княжевичу», 1823)

Историческая память лирического героя воспринимает прошедшее личностно: *приветствую родных богатырей, слышу силу их ударов, беседую*, откликается на события иных эпох всем существом, без оглядки на временную дистанцию: *грудь моя трепещет, // В очах огонь поэта блещет, рвётся длань моя к струнам!*

В послании «В. М. Княжевичу» Языков даёт своеобразное обещание впредь не оставлять эту тему:

*Очистив юный ум в горниле просвещения,
Я стану петь дела воинственных славян,
И яркие лучи святого вдохновенья
Прорежут древности туман* [2, с. 78–79].

По мнению поэта, именно историческая память рождает в творческой личности *святое вдохновенье!*

Осознание традиционных для русской литературы ценностей патриотизма происходит у Н. Языкова на фоне сопоставления русской истории, русской куль-

туры с иными культурами. В творчестве молодого Языкова и оссианизм, и идеалы средневековья одухотворены чувством любви к «песням волжских рыбаков». Для Языкова этого периода было важно передать дух древности, который он в равной степени обнаруживал и в песнопениях скальдов, бардов. В этом же ключе выдержаны «Песнь Барда во время владычества татар в России» (1823), «Баян к русскому воинству при Дмитрие Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве» (1823), «Песнь Баяна» (1823), «Услад» (1823).

Трактовка Н. Языковым проблем древнерусской истории раскрывает своеобразие подходов Языкова к освещению данной проблематики. «Песнь Барда» выдержана в тех же интонациях, что и «Песнь короля Регнера». Манера сказительства соединяется с романтически-условной лексикой:

*Бывало: ратники лежат вокруг огней
По берегу светлого Дуная,
Когда тревога боевая
Молчит до утренних лучей.
Вдали — туманом покровенный
Стан греков, и над ним, грозна
Как щит, в бою окровавленный,
Восходит полная луна! [2, с. 89]*

Образ Баяна — Барда (для Языкова эти слова в данном случае синонимы) идеализирован. Используя традиционную форму лирического обращения, Н. Языков адресует к «красе минувших лет, // Баянов струнам золотым», называет их «Певцы вольности, и славы, и побед, // Народу русскому родные...». Появляется упоминание о народе, пока ещё условно-номинальное. Баян поёт для «сынов снегов»:

*Но там, где вы, сыны снегов,
Там вдохновенный на кургане
Поёт деянья праотцов —
И персты вещице летают
По звонким пламенным струнам,
И взоры воинов сверкают,
И рвутся длани их к мечам! [2, с. 89]*

Баян, бард, поэт, по мнению Н. Языкова, должен пробуждать в душах воинов стремление к подвигам, героическим деяниям. В любую эпоху поэту важно петь *деянья праотцов*, хранить их в памяти и передавать потомству. Вопрос традиции, переплетаясь с мотивом исторической памяти, пронизывает все произведения Н. Языкова на исторические темы.

Старина Языкову нужна уже в этих ранних стихах не для идеализации прошлого, как считают некоторые исследователи, а для того, чтобы провести параллель с современностью. Не случайно это стихотворение композиционно имеет две части (у Языкова излюбленным является этот приём народной поэтики). Первая — изображение «вдохновенного» и воздействие его вдохновляющих песен на воинов,

их победы; и вторая — размышление лирического героя о современности: поэт-современник уже не в силах произвести в своих согражданах такие же перемены, как это удавалось древним певцам:

*А мы... нам долго цепи влечь;
Столетия протекут — и русский меч не грядет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,
И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах.
Теперь вотще молодой баян
На голос предков запекает:
Жестоких бедствий ураган
Рабов полмёртвых оглушает;
И он, дрожащею рукой
Подняв холодные железы,
Молчит, смотря на них сквозь слёзы,
С неисцелимою тоской! [2, с. 90]*

Н. Языков почувствовал свою генетическую связь с древними певцами и отразил её в цикле стихов. Баян, бард, скальд, поэт — это лицо, которое должно хранить традицию — «память (тема памяти основная во всех жанрах лирики Н. Языкова) об отцах», об их деяниях, подвигах и поражениях. Голос молодого баяна-поэта «на голос предков» теперь напрасен («вотще»), он не разбудит «рабов полмёртвых» — отсюда и неисцелимая тоска лирического героя, молодого поэта.

Потомки воинственных славян не слышат от современных Баянов песен о деяниях праотцов. Дух рабского молчанья губит память об отцах и героический дух современников. Молодой поэт, открывший для себя значимость традиции, памяти об отцах, сетует, что эта тема не стала ещё достаточно важной для современников, а именно в ее звучании он видит возможность пробудить современников. Так сложные историко-литературные вопросы, поставленные современной Н. Языкову общественной мыслью, он преломляет в своей поэзии. Издано было стихотворение впервые в «Новостях литературы» за 1823 г. № 46. Оно было снабжено множеством примечаний издателя, указывающих на то, что речь здесь идёт только о старине, например: «Поэт понимает здесь славные в “Летописях” наших времена Олега, Святослава и Владимира Великого» [3, 587].

К стиху: «*И гений рабского молчанья // Воссядет, вечный, на гробах*» — было сделано Воейковым примечание строками, взятыми из «Истории государства Российского»: «Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их» [3, 587]. Эти примечания были важны Воейкову для того, чтобы цензор разрешил к изданию стихи; в возможности этого сомневался и сам Н. Языков, а сделанными примечаниями он был крайне недово-

лен, о чём и написал братьям 5 августа 1823 г.: «Я написал еще стихи. Ты увидишь их у Воейкова в журнале, ежели цензор позволит. Для последнего Воейков сделал много глупых примечаний» [3, с. 84].

На наш взгляд, примечания, указывающие на то, что в стихах речь идёт о старине и только о ней, Н. Языков не случайно назвал глупыми. Интересно и то, что Перовошикову не понравились эти стихи Языкова, хотя тему ему подсказал именно он. 29 августа этого же года Н. Языков пишет брату: «Есть слух, что ему <Перовошикову> не слишком нравятся мои, в его смысле, либеральные мысли во время татарского ига...» [3, с. 88]. Здесь уже прямое иронизирование по поводу мнения Перовошикова о либеральности его мыслей, которые никак не могли соответствовать эпохе татарского ига, а важны были для современности.

Эти замечания подтверждают стремление Н. Языкова старину «связать» с современностью. В частности, восприятие старины, традиций для разговора о современности было предпринято Языковым уже в ранних его произведениях. Риторическое обращение Н. Языкова в начале «Песни Барда...» обыгрывается во всей композиции стихотворения: народу русскому родные «золотые струны Баянов» в современной жизни не имеют такого же звучания как «Бывало», но слава Руси ещё впереди: «Но завтра солнце вновь восстанет...». Предостережение «Слова о полку Игореве» в эпиграфе «О! Стонати русской земле...» и робкая надежда на лучшее — вот та пёстрая гамма чувств, которую рождают в лирике Н. Языкова образы русской старины.

В другом стихотворении из этого цикла «Баян к русскому воину...» (1823) система ценностей заявлена также определённо в эпиграфе:

*Стоит — за алтари святые,
За богом венчанных царей,
За гробы праотцов родные,
За жён, отцов и за детей* (Лобанов) [2, с. 28].

Последняя строка эпиграфа перекликается с былинным стихом в описании борьбы Ильи Муромца, который также стоит «за вдов, за сирот, за малых детей». Сохранность традиции, защита народа, правосудное самодержавие (Богом венчанное) и вера (православие) — вот те ценности, о которых будет говорить поэт. Стихотворению придана форма монолога к «бранному витязю». Здесь Языков раскрывает своё представление о русской истории, становлении русского государства, в основе которого, по его мнению, главной и стоящей на первом месте является идея свободы:

*Твои отцы славяне были,
Железом страшные врагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи — злато приносили.
И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?* [2, с. 91]

Пафосом этого стихотворения и стало для Языкова прославление свободы:

*Рука свободного сильнее
 Руки, измученной ярмом, —
 Так с неба падающий гром
 Подземных грохотов звучнее,
 Так песнь победная громчей
 Глухого скрежета цепей!* [2, с. 91]

В первой редакции этого стихотворения были ещё более острые обращения Баяна к воину:

*Давно ль рука твоя слаба?
 Давно ль в тебе душа раба?* [2, с. 588]

Певец опять обращался к героическому примеру предков:

*И наши предки не узнали,
 Как власть тирана тяжела:
 Когда отчизна их звала,
 Они и жизнь позабывали —
 И греки с битвы роковой
 Не возвращались домой* [2, с. 588].

Русская история позволяла Языкову поставить животрепещущие вопросы своего времени: свобода и тиранья, а также и призвать современников:

*На бой, на бой! — И жар баянов
 С народной славой оживёт,
 И арфа смелых пропоёт:
 «Конец владычеству тиранов:
 Ужасен хан татарский был,
 Но русский меч его убил!»* [2, с. 91]

В первой редакции этой строфы были строки: «Где нет рабов — там нет тиранов» или:

*Да им докажет твой удар,
 Что за свободу — провиденье!
 И что славян геройский дух
 В сердцах потомства не потух* [2, с. 588].

Лексический состав, пафос стихотворения, его историзм выдержаны в рамках декабристской эстетики. Языков не просто выдвигает историческую тематику как важную для современности, но обращается к темам героического прошлого Руси, темам борьбы за освобождение от монгольского владычества, организации свободных земель Руси (Новгорода, веча). Здесь же Языков восхищается и чертами национального характера: отвагой, свободолюбием, защитой извечных ценностей. Историческое прошлое важно для Языкова в плане воспитания этих чувств у современников. «Свободолюбивый дух» славянства, русского народа раскрыл

поэт в этом стихотворении. Не случайны в его стихах этой поры переклички со «Словом о полку Игореве». Но не менее важным было для Н. Языкова «стоять за алтари святыя, за гробы праотцов родные...», и то, и другое — стремление к свободе и желание порядка и справедливости — Н. Языков видел в народном сознании. Беседа, именно беседа поэта с минувшими веками продолжалась на всём его творческом пути, а мотив исторической памяти Н. Языков считает важнейшим для лирики, способной рабов полмёртвых превратить в героев! Современное рабское молчание противопоставляется Языковым прошлым героическим деяниям предков, их морально-нравственным устремлениям вступить за землю отцов:

*Отчизна, отчизна! Под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмёртвую руку подымлет оно
С последним ударом решительной мести* [2, с. 136].
(«Евпатий», 1824)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века (Очерки). СПб.: Записки историко-филологического факультета СПб. ун-та, 1912. 114 с.
- 2 Языков Н. М. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. К. К. Бухмейера. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 705 с.
- 3 Языковский архив. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). СПб.: Изд-во отделения русского языка и словесности императорской АН, 1913. Вып. 1. 502 с.

* * *

Abasheva, Diana Vladimirovna,
DSc of Philology, Professor,
Moscow State Pedagogical University,
Pirogovskaya str., 1/1, 119435 Moscow, Russian Federation
 E-mail: abasheva.diana@yandex.ru

«I'M HERE TALKING WITH PAST CENTURES...»: HISTORICAL MEMORY IN LYRICS N. M. YAZYKOV

Abstract: The motif of historical memory appeared in the works of N. Yazykov in connection with the occurrence and development of interest in the history, people and folklore. Originality of his perception of historical memory lies in the understanding that «the spirit of old times» is necessary for the modern man. N. Yazykov tried to portray accurately the national life, culture, costumes, and the circumstances of life of people and, most importantly, the type of consciousness of historical figures and fictional characters in their interrelation in his works on historical themes. The Russian history allowed him to raise the burning issues of his time: freedom and tyranny, and to call his contemporaries to escape from spiritual slavery. The poet revealed the free spirit of the Slavs, the Russian people in the poems of the 1920-ies, using traditional poetics of folklore and ancient literature.

Keywords: creative individuality, historical memory, tradition, Slavs, national identity, patriotism, poetics.

REFERENCES

- 1 Trubitsin N. N. *O narodnoi poezii v obshchestvennom i literaturnom obikhode pervoi treti XIX veka (Ocherki)* [On folk poetry in the public and literary everyday usage in the first third of the XIX century (Essays)]. St. Petersburg, Zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta SPB universiteta Publ., 1912. 114 p.
- 2 Iazykov N. M. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete Selection of Poems], vstup. st. K. K. Bukhmeiera. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1964. 705 p.
- 3 *Iazykovskii arkhiv. Pis'ma N. M. Iazykova k rodnym za derptskii period ego zhizni (1822–1829)* [Yazykovsky archive. Letters of N.M. Iazykov to relatives in Dorpat period of his life (1822–1829)]. St. Petersburg, Izd-vo otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti imperatorskoi AN Publ., 1913, vol. 1. 502 p.